

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ

CD/PV.390
19 February 1987
RUSSIAN

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ОТЧЕТ О ТРИСТА ДЕВЯНОСТОМ
ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ,

состоявшемся во Дворце Наций в Женеве
в четверг, 19 февраля 1987 года,
в 10 ч 30 мин

Президент: г-н Фань Госян (Китай)

ПРЕЗИДЕНТ (перевод с английского): 390-е пленарное заседание Конференции по разоружению объявляю открытым.

Прежде всего мне хотелось бы горячо приветствовать от имени Конференции министра иностранных дел Франции Его Превосходительство г-на Жан-Бернара Раймона, который первым выступит на нашем сегодняшнем пленарном заседании. Г-н Раймон является видным профессиональным дипломатом, который служил своей стране, занимая ряд важных дипломатических постов в государствах - членах Конференции. Уместно напомнить, что Его Превосходительство уже бывал в Женеве и во Дворце Наций, поскольку он являлся членом французской делегации на Конференции экспертов по предотвращению внезапного нападения, которая проходила здесь в 1958 году. Уверен, что все делегаты выразят вместе со мной нашу признательность ему за то, что он нашел время, чтобы прибыть на Конференцию и изложить взгляды своего правительства по вопросам разоружения, несмотря на то, что у него очень много дел. Само его присутствие здесь ясно свидетельствует о том значении, которое правительство Франции придает проблемам разоружения. В соответствии с программой своей работы Конференция продолжает сегодня рассмотрение пункта 1 повестки дня "Запрещение ядерных испытаний" и пункта 2 "Прекращение гонки ядерных вооружений и ядерное разоружение". Однако в соответствии с правилом 30 Правил процедуры государства-члены могут затронуть любые вопросы, касающиеся работы Конференции. В моем списке записавшихся на сегодня ораторов значатся представители Франции и Чехословакии. Сейчас я предоставляю слово первому из записавшихся ораторов Министру иностранных дел Франции Его Превосходительству г-ну Жан-Бернару Раймону.

Г-н РАЙМОН (Франция) (перевод с французского): Г-н Президент, прежде всего позвольте мне сказать Вам о том, насколько я счастлив выступать сегодня на Конференции по разоружению. Пользуясь этим случаем, я хотел бы присоединиться к словам, высказанным всеми делегациями и отдать дань памяти представителя Соединенных Штатов на Конференции г-на Ловица. Я счастлив, что по воле случая руководит нашей работой сегодня представитель Китая. Это обстоятельство дает мне повод для того, чтобы приветствовать представителя великой страны, которая является другом Франции. Ее внешняя политика, так же как и наша, основана на независимости действий. Ее политика в области безопасности, так же как и политика Франции в области безопасности, основывается на полном контроле над своими силами. Китай, как и моя страна, является ядерной и космической державой. Я без колебания могу сказать здесь, что в этом качестве он также способствует равновесию сил и, таким образом, укреплению мира. Так же как и Франция, Китай решил 8 лет назад принять участие в работе нового Комитета по разоружению, который стал впоследствии Конференцией.

В последний раз член французского правительства выступал на Конференции в 1979 году. В то время речь шла о преобразовании своеобразного института, сформировавшегося вокруг советско-американского сопредседательства, в орган для ведения многосторонних переговоров. Это преобразование, и в частности, упразднение сопредседательства, было выдвинуто Францией в 1978 году в качестве условия своего участия в новой организации.

В то время спрос заключался в выяснении того, возможно ли, наряду с двусторонними советско-американскими переговорами, проведение многосторонних переговоров. Некоторые, ссылаясь на так называемый закон, приписываемый

(Г-н Раймон, Франция)

Джорджу Кеннану, в соответствии с которым шансы на успех в переговорах обратно пропорциональны числу их участников, предсказывали неэффективность и даже бесполезность создания международного органа по разоружению. Мне бы хотелось напомнить здесь, что позиция Франции была иной.

Работа, которая проводится на этой Конференции в области химического оружия, по своей серьезности не уступает никакому другому форуму.

Что касается обычных вооружений, то, как показал успех проходившей в сентябре прошлого года в рамках СБСЕ Стокгольмской конференции, для того чтобы завершить и заключить первое за десять лет соглашение между Востоком и Западом, не обязательно наличие только двух сторон. Конечно, меры укрепления доверия являются ограниченной областью. Тем не менее никто не склонен уменьшать их значение для Европы и для контроля над вооружениями, поскольку они предусматривают принцип проведения инспекции на месте.

Позавчера в Вене, в посольстве Франции, была проведена первая серия неофициальных консультаций, которые должны дать возможность проверить, реально ли дальше развивать успех, достигнутый в Стокгольме в области обычных вооружений наряду с мерами укрепления доверия. И здесь моя страна вновь настаивает на том, чтобы каждый участник СБСЕ выступал от своего имени, и призывает, чтобы переговоры не превратились в арену конфронтации между блоками.

Франция выступает за заключение таких соглашений в области разоружения, которые поддаются проверке и которые являются частью общего процесса. Соблюдение права каждого государства на безопасность в ходе этого процесса представляется нам его неизбежным следствием. Таким образом, Франция никогда не допустит, чтобы статус ее вооруженных сил или ее территории затрагивался на переговорах, в которых она не участвует или в которых она не выступает от своего имени. Естественно, это право, которое Франция отстаивает для себя, она признает и за всеми другими странами.

В момент, когда начинает работу эта новая сессия Конференции, складывается общее впечатление, что переговоры о контроле над вооружениями и разоружению находятся на поворотном этапе. Возобновление советско-американского диалога в 1985 году привело к встрече в Рейкьявике четыре месяца назад. Эта встреча оставила многих наблюдателей в недоумении.

Как я уже отмечал в декабре, у общественности после переговоров в Рейкьявике сложилось верное или неверное мнение о том, что Соединенные Штаты могли бы в случае необходимости изменить стратегию, отказаться от развертывания своих баллистических ракет в Европе и, в частности, расширить свое участие в сдерживании за счет обычных средств вооружения. В связи с этой встречей общественность также отметила тот факт, что СССР выразил готовность прекратить в течение 10 лет вложение средств в стратегические вооружения, которые он постоянно осуществлял в течение четверти века. Нет ничего предосудительного в том, чтобы представить себе новый мир, который, как все, естественно, надеются будет лучше нынешнего. Возможно, что с интеллектуальной точки зрения полезно задуматься о принятии новых стратегий для завтрашнего или даже послезавтрашнего дня.

(Г-н Раймон, Франция)

Соединенные Штаты и Советский Союз обменялись в Рейкьявике предложениями и контрпредложениями об отдаленных и, может быть, утопических перспективах. Но необходимо также быть осторожным, чтобы не подорвать основы нашей сегодняшней безопасности.

Как подчеркивали многие европейские лидеры, сейчас в области разоружения необходимо сосредоточить усилия на достижении реальных, возможных и желательных целей.

Конкретно для нас их можно сформулировать в трех пунктах.

Во-первых, мы надеемся на достижение намеченной Советским Союзом и Соединенными Штатами в Рейкьявике цели, заключающейся в сокращении на 50% в течение 5 лет своих стратегических арсеналов. Это, несомненно, будет значительным результатом, который не имеет себе равных в истории переговоров по контролю над вооружениями, и мы можем только приветствовать его достижение. В этих условиях целесообразно ли заранее отходить от выполнения этой задачи в течение 5 лет и противопоставлять ей выполнение других задач в течение 10 лет, что еще более сомнительно.

Во-вторых, нам следует обеспечить сохранение Договора по ПРО на согласованный срок, который впоследствии будет уточнен в случае необходимости в результате переговоров, как было предложено в Рейкьявике.

В настоящее время, как всем известно, обсуждается проблема толкования Договора по ПРО с учетом программ исследований, проводимых как в Соединенных Штатах, так и в Советском Союзе. Это обсуждение не ново, и необходимо провести четкое разграничение между ним и вопросом о скорейшем развертывании оборонительных систем. Это выходило бы за рамки того, что было разрешено в 1972 году, т.е. возможности развертывания 100 противоракет-перехватчиков вокруг одного района, как это было сделано вокруг Москвы.

Позиция моей страны по отношению к толкованию положений Договора по ПРО опирается на очевидное суждение: Договор по ПРО по своему характеру является двусторонним, и никогда не стоял вопрос о том, чтобы распространить его действие на другие страны. Поэтому именно две страны, подписавшие этот Договор, должны определить, что соответствует сегодня, учитывая новые открытия в технологии, положениям, принятым в 1972 году; что выходит за рамки согласованных положений; какие аргументы могут или не могут быть использованы для внесения изменений в Договор. Каково бы ни было решение, я повторяю, что оно должно быть принято на двусторонней основе.

Мы выступаем за сохранение Договора по ПРО, как об этом уже говорил наш представитель на этой Конференции в 1984 году. Поэтому мы хотели бы, чтобы этот Договор соблюдался обеими сторонами, включая положения об исследовательской деятельности. Как известно, они прямо разрешены этим Договором. Избежание технической неожиданности является элементом стабильности Договора и, таким образом, его долговечности.

(Г-н Раймон, Франция)

И наконец, третья цель должна заключаться в сокращении советских и американских ракет средней дальности в Европе в течение того же периода - 5 лет. Нулевой вариант был косвенно принят нашими партнерами по Союзу в 1979 году и был прямо предложен ими в 1981 году. Политические причины этого хорошо известны. Однако в 1987 году ситуация носит иной характер. В 1981 году наши партнеры по Союзу предложили взамен отказа от объявленного, но не осуществленного развертывания осуществить сокращение числа ракет с советской стороны. В 1987 году ракетами средней дальности обладают та и другая сторона, но число их не одинаково. Поэтому необходимо, чтобы завтра применение такой формулы, которая в любом случае должна предусматривать самые конкретные сроки и меры проверки, не привело бы к ослаблению безопасности Европы.

Поэтому достижение возможного согласия между Соединенными Штатами и Советским Союзом по нулевому варианту предполагает сохранение безопасности Европы. Во-первых, это означает, что следует избегать возможности какого-либо обхода такого соглашения. Более конкретно я имею в виду вопрос об оперативно-тактических ракетах. Он справедливо вызывает озабоченность не только правительства Федеративной Республики Германии, но и правительств других европейских стран. И во-вторых, необходимо сделать так, чтобы последствия нынешней диспропорции в области обычных вооружений не усугублялись. Этот последний момент скорее является констатацией факта, но мы не должны упускать его из виду - мы не помним, чтобы этот вопрос обсуждался в Рейкьявике.

Эти перспективы непосредственно затрагивают Европу и ее безопасность. Европа, как сказал Президент Французской Республики, "по-прежнему находится между безопасностью, которая существует, и безопасностью, на которую она надеется". В своих воспоминаниях о Европе до первой мировой войны, написанных в момент, когда во второй раз война с применением обычных видов оружия опустошала наш континент, австрийский писатель Стефан Цвейг отмечал: "Теперь, когда великая буря уже давно его рушит, мы знаем, что безопасный мир есть не что иное, как плод воображения. А наши родители жили в нем как в мирном доме".

Сегодня безопасность Европы вполне реально обеспечивается при помощи ядерного сдерживания. Поэтому для нее не приемлемо развитие в обратном направлении, что вновь сделало бы ядерную и химическую войну возможной и даже, несомненно, вероятной, учитывая, что в настоящий момент в структуре вооруженных сил и географическом распределении существует асимметрия. Поэтому не существует сдерживания с применением лишь обычных вооружений, которое смогло бы обеспечить безопасность нашего континента.

Франция выступает за то, чтобы в Европе вновь установилось равновесие в обычных вооруженных силах и, если возможно, на более низком уровне. Мы также надеемся, что советско-американские переговоры по стратегическим вооружениям и ракетам средней дальности завершатся успешно.

Однако мы считаем, что, как об этом вновь заявил премьер-министр г-н Жак Ширак, до тех пор, пока две сверхдержавы будут располагать огромным количеством оружия и будет сохраняться диспропорция в области обычных вооружений в Европе, наша безопасность будет основываться на ядерном сдерживании. Поэтому моя страна не согласится на то, чтобы ее ядерные силы прямо или косвенно учитывались на переговорах, в которых она не собирается участвовать до тех пор, пока не будут выполнены выдвинутые ею условия. Условия, которые позволят Франции

(Г-н Раймон, Франция)

внести свой вклад в эффективный и поддающийся проверке процесс ядерного разоружения, были сформулированы Президентом Республики в сентябре 1983 года и в июне 1984 года.

Во-первых, это - коренное изменение разрыва между ядерным арсеналом великих держав, с одной стороны, и Франции, с другой стороны. Во-вторых, устранение нынешних серьезных диспропорций в области обычных вооружений и реальное устранение угрозы химической войны. И в-третьих, отказ от развертывания новых оборонительных систем, которые могут дестабилизировать современные основы сдерживания, и, соответственно, мира.

Проблеме вооруженных сил третьей стороны в процессе ядерного разоружения следует отвести должное место. Стратегические ядерные силы Франции составляют сегодня менее 2% соответствующего потенциала США и СССР.

Какая же ситуация сложилась спустя четыре месяца после встречи в Рейкьявике? Я бы сказал, что сегодня существует возможность и даже надежда строить политику разоружения и контроля над вооружениями на более реалистичной основе. Замена стремления к безъядерному миру на стремление к миру без баллистического оружия ведет в тупик.

От того, как будет осуществляться и в Вашингтоне, и в Москве возврат к более точной оценке того, что действительно возможно и желательно на переговорах, будут зависеть реальные успехи в области ограничения ядерных вооружений. Это относится не только к 1987 году, но и к последующим годам.

Я так много говорил о перспективах периода "после Рейкьявика" и переговорах о ядерном разоружении потому, что знаю, насколько эти вопросы привлекают к себе внимание делегаций, участвующих в работе Конференции. Но у нашей Конференции немало своих забот и задач; я имею в виду вопросы ядерных испытаний, химического оружия и космического пространства.

Нам известно, какое значение придают большинство членов этой Конференции полному запрещению ядерных испытаний. Этот вопрос связан с продолжением той озабоченности, которую в 60-х годах выражали, по сути, в гораздо большей степени в связи с окружающей средой, чем с разоружением. Он вытекает также из обязательств, принятых в рамках соглашений о разоружении, в которых Франция не пожелала участвовать: с одной стороны, Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере 1963 года, а с другой стороны, того, что один французский эксперт назвал "соглашением о разоружении невооруженных стран", т.е. Договора о нераспространении ядерного оружия.

Как вчера, так и сегодня Франция считала и считает, что прекращение испытаний не является одним из непереносимых условий для достижения прогресса на пути к ядерному разоружению. Она придерживается того мнения, что, как раз наоборот, только после завершения длительного процесса, в результате которого ядерное разоружение действительно станет фактом, запрещение испытаний сможет приобрести какое-то значение.

Таким образом, речь идет о большом разногласии с рядом некоторых представленных здесь стран по поводу желательной очередности принятия мер по разоружению. Я думаю, что будет честным признать этот факт и что ясность в данных вопросах полезнее, чем двусмысленность.

(Г-н Раймон, Франция)

К этим принципиальным соображениям следует добавить тот факт, что Франция не произвела и десятой доли тех ядерных взрывов, которые были осуществлены двумя крупными державами. Она не производит взрывов мощностью свыше 150 килотонн — порога, о котором так часто и так долго говорят и который сегодня так трудно поддается точной проверке. Она, наконец, не видит ни малейшего основания для запланированного отказа от своих сил сдерживания.

В силу всех этих причин мы сообщили Советскому Союзу, что не возражаем против предложенного и введенного им моратория, но и не видим в нем никаких преимуществ. Отметим, однако, что, как следует из выступления маршала Ахромеева 25 августа прошлого года, Советский Союз признает, что ядерные взрывы не имеют лишь негативные последствия. Начальник Генштаба Вооруженных Сил заместитель министра обороны признал, что значительная доля испытаний служит проверке надежности существующих вооружений. С американской стороны также было сделано аналогичное заявление. Сейчас в мире, где число ядерных боеголовок было бы уменьшено наполовину, надежность существующих вооружений лишь приобрела бы еще большее значение. В этом и заключается проблема, которую невозможно бесконечно игнорировать.

Работа данной Конференции по выработке международной конвенции о запрещении производства химического оружия и ликвидации его запасов, несомненно, является одной из наиболее сложных задач, которыми она занималась.

Приложенные усилия позволили нам высветить некоторые значительные совпадения мнений относительно структуры и ряда важных элементов будущей конвенции. Как всегда, по ходу работы возникают настоящие трудности. Это вытекает из естественного развития переговоров, ведущихся в такой сложной области, но вместе с тем влечет за собой необходимость выбора.

Во-первых, желаем ли мы заключить такую конвенцию, которая, как и конвенция о биологическом оружии, лишь закрепляла бы необходимость запрещения химического оружия, не решая проблему эффективности такого запрещения и его проверки?

Или же мы считаем, что речь идет об оружии, военную эффективность которого, к сожалению, следует все меньше и меньше демонстрировать и опасность которого, таким образом, может стать обычным делом. Не являются ли уже значительным успехом результаты, достигнутые поэтапно и ограниченные не в географическом плане — поскольку легкость, с какой такое оружие может доставляться, лишает такой подход всякого смысла, — а на уровне его запасов?

Во-вторых, хотим ли мы оказывать через механизмы проверки постоянное давление на возможного нарушителя или мы готовы довольствоваться несовершенной проверкой, поскольку никто никогда и не узнает, были ли восстановлены или скрыты тайные запасы?

В-третьих, какая взаимосвязь должна быть установлена между будущей конвенцией и положениями Женевского протокола 1925 года о применении химического оружия?

В-четвертых, должны ли мы направлять наши усилия прежде всего на обычное химическое оружие, т.е. то, которое как бы находится на "нижней ступени" и доступно большинству стран, располагающих промышленными установками? Или мы,

(Г-н Раймон, Франция)

напротив, хотим уделить первостепенное внимание самым современным боевым химическим веществам или даже предупредить возникновение в будущем в данной области новых технологий? Насколько реально такое устремление?

Эти соображения пронизывают работу вашей Конференции. Они объясняют ее сложность и, следовательно, ее неизбежную замедленность.

Моя страна хотела бы добиться результатов, даже если в конечном счете обнаружится, что на первоначальном этапе они будут ограничиваться, например, постепенным уничтожением запасов и установок по производству химического оружия в течение периода времени, который будет определен.

Этот же поэтапный подход мог бы быть использован для поиска решения проблемы, связанной с составлением списков свертотоксичных агентов. Известно, что на данном этапе трудно определить возможности военного использования тех из них, которые уже находят применение в гражданской области, например в фармацевтике. Было бы целесообразно поручить предусмотренному конвенцией Консультативному комитету задачу определения соответствующего режима на более позднем этапе переговоров или в процессе осуществления конвенции. Делегация Франции внесет в этой связи свои предложения. В целом она, несомненно, приложит все усилия к тому, чтобы были достигнуты конкретные результаты, в том числе и на нынешней сессии.

Однако именно в силу существования этих неясностей на переговорах Франция не исключает возможность приобретения в данной области ограниченного потенциала, предназначенного только для сдерживания. Учитывая обязательства, взятые на себя Францией при подписании Женевского протокола 1925 года, они предназначались бы только для отпора, а не для нападения первыми. Как бы то ни было, ведущиеся переговоры, которым мы продолжаем уделять очень большое внимание, не могут означать для Франции, как впрочем и для любого другого государства, соблюдения моратория.

Каждому из присутствующих здесь известно, что одновременно с обсуждениями, которые данная Конференция должна вести относительно мер, способных содействовать предотвращению гонки вооружений в космическом пространстве, в этом же городе проходят двусторонние переговоры между СССР и США. Нашей целью не может быть предпочтение тому или иному подходу или стремление к тому, чтобы эти подходы взаимно препятствовали друг другу.

Дело обстоит так, что международное сообщество включило в середине 80-х годов в круг своих забот проблемы использования космического пространства в военных целях таким же образом, как в середине 50-х годов оно признало, что проблемы ядерного века не могут быть ему безразличны, и это тогда, когда ядерным оружием обладали только две страны. В 1978 году, выдвинув предложение об учреждении международного агентства спутников контроля, затем в 1984 году в предложениях, которые она выдвинула на этой Конференции, Франция подчеркивала, что эти проблемы не могут быть изъяты из многостороннего обсуждения.

(Г-н Раймон, Франция)

Самое большое значение мы придаем, естественно, Договору о космическом пространстве 1967 года. Фактически, как выяснилось в ходе вашей работы, нынешний режим представляется недостаточным, в частности, в том, что касается иммунитета спутников третьих сторон. Франция представит в рамках работы Специального комитета предложения, в которых будет учтена трудность установления режима, основанного исключительно на определении противоспутникового оружия.

Действительно, не существует единого способа уничтожения спутников, и поэтому было бы нереалистично стремиться к выработке международного режима, основанного на запрещении систем АСАТ, который окажется неполным. Если говорить о действительно первоочередных задачах, так это осуществление основополагающих принципов нынешнего режима космического пространства, а именно: его использование на основе равенства, без какой-либо дискриминации между государствами и без присвоения космического пространства. При согласии с таким подходом могут быть предусмотрены некоторые конкретные меры, касающиеся регистрации космических объектов и уведомления об их запуске, а также многостороннего кодекса поведения, применимого к космической деятельности.

В организационном плане может быть рассмотрена идея о том, чтобы поручить Международному агентству спутников контроля задачу контроля за применением мер обеспечения открытости и соблюдения кодекса поведения при осуществлении деятельности в космосе.

Слишком часто в области разоружения нам приходится признавать, рискуя разочаровать кого-то или не быть понятыми, что никогда ничего не дается так легко, быстро и в такой мере, как мы можем надеяться. В сложном и изменчивом ядерном мире, в который мы безвозвратно вступили полвека назад, угроза стала более многоликой. Как это ни парадоксально, но самое современное оружие, вероятно, будет применяться в наименьшей степени. Как тогда не удивляться тому, что разум отступает перед подозрительностью?

Франция хотела бы внести свой вклад в дело разоружения, но, как и любое другое государство, она считает, что переговоры должны прежде всего служить безопасности каждого государства. Если, кроме того, разоружение сможет способствовать развитию, Франция, естественно, будет первой рада этому. Именно в этой связи она считает весьма важным созыв международной конференции Организации Объединенных Наций по вопросу о связи между разоружением и развитием, с инициативой о проведении которой она выступила в 1983 году и которая будет проходить этим летом в Нью-Йорке.

Всем нам известно, в какой мере контроль над вооружениями необходим для обеспечения предсказуемости и стабильности международного развития, структуры которого постоянно испытывают напор со стороны технического прогресса.

Не впервые кошмар того, что оружие может взять верх над переговорами, составляет дилемму контроля над вооружениями. Особенно в области ядерных вооружений в течение уже почти 20 лет участники переговоров хотели бы считать, как и молодой Танкредо из "Гепарда", "что все должно меняться, только если потом все останется как и прежде". Неизбежно, что в этой ситуации общественность проявляет больше беспокойства в связи с меняющимся характером войн, чем в связи с войнами, которые ведутся сейчас. Вместе с тем мы хорошо знаем, что, хотя

(Г-н Раймон, Франция)

убивает оружие, конфликты развязывают люди. Современное оружие не является первопричиной напряженных ситуаций. Такие ситуации - это результат более давних антагонистических противоречий и продолжительного столкновения интересов, примирить которые должна терпеливая дипломатическая деятельность.

Политика в области разоружения и контроля над вооружениями, сосредоточенная на последствиях напряженности и отсутствия доверия между странами, а не на их причинах, не сможет привести к надежным результатам, т.е. к безопасности, к которой стремятся все наши страны. Мы знаем, что нет ничего сложнее. И поэтому нет важнее цели для приложения наших усилий.

ПРЕЗИДЕНТ (перевод с английского): Благодарю Его превосходительство министра иностранных дел Франции за его выступление и за любезные слова в мой адрес и в адрес моей страны. Сейчас я предоставляю слово представителю Чехословакии послу Вейводе.

Г-н ВЕЙВОДА (Чехословакия) (перевод с английского): Товарищ Президент, мы сердечно приветствуем Вас на посту Президента Конференции в этот первый месяц нашей нынешней сессии. Ваша великая социалистическая страна вносит большой вклад в работу Конференции с момента присоединения к ней в 1978 году. Ваше мудрое руководство является еще одним конкретным вкладом Китая в работу Конференции по разоружению в тот момент, когда мы стараемся оживить свою работу, эффективно выполнять требования, предъявляемые к этому многостороннему органу для ведения переговоров. Моя делегация окажет Вам полную поддержку в выполнении Вами функций Президента. Позвольте мне также поблагодарить посла Канады Бисли за умелое руководство нашей работой на завершающем этапе сессии прошлого года. Я с удовлетворением приветствую новых представителей на Конференции: посла Советского Союза Назаркина, посла Италии Пульезе, посла Алжира Хасене, посла Румынии Долгу, посла Франции Мореля, посла Японии Ямаду и посла Югославии Косина.

Позвольте мне также вновь выразить глубочайшие соболезнования моей делегации делегации Соединенных Штатов и семье посла Ловица, с которым нас связывали прекрасные рабочие и личные отношения. Я хотел бы приветствовать среди нас заместителя главы Агентства по контролю над вооружениями и разоружению США посла Хансена в качестве исполняющего обязанности главы делегации США.

(перевод с французского)

Мы с глубоким вниманием выслушали выступление министра иностранных дел Франции г-на Раймона. Его присутствие на нашей сессии является доказательством того, что его страна придает работе Конференции большое значение. Мы могли отметить живой интерес, проявленный Францией к проблемам международной безопасности и во время недавнего визита в Париж министра иностранных дел нашей страны Богуслава Хнеупека. Этот визит рассматривается руководством в Праге как очень полезный и не только способствующий развитию отношений между Францией и Чехословакией, но и подчеркивающий необходимость процесса углубления европейского сотрудничества, начавшегося 12 лет назад в Хельсинки.

(перевод с английского)

На протяжении истории человечества страны и группы стран всегда были вынуждены бороться за свою безопасность. Мир, когда он устанавливался здесь или там,

(Г-н Вейвода, Чехословакия)

обычно завоевывался ценой тяжелой и кровавой борьбы. Это справедливо не только в отношении отдаленной, но и сравнительно недавней истории Европы и еще не ушло в прошлое и во многих регионах мира сегодня. В ходе этого средства ведения войны постоянно совершенствовались до того момента, когда личное оружие было заменено автоматическими машинами для уничтожения и нынешним оружием массового уничтожения. Мир и безопасность не могут быть завоеваны при помощи такого оружия, поскольку его разрушительная природа препятствует его рациональному применению даже с чисто военной и технической точек зрения. Мир и безопасность сегодня должны создаваться иным путем.

Одним из далеко идущих политических выводов нашего времени является вывод о том, что международный мир и безопасность должны строиться на более широкой и стабильной основе, чем это было в прошлом. Эта основа не может быть создана иначе, как всеми государствами, которые хотят строить свои отношения с соседними и другими странами не на принципе силы, а на принципе мирного сотрудничества в условиях полной международной безопасности. Именно это имели в виду авторы резолюции 41/92 Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций о создании всеобъемлющей системы международного мира и безопасности, выдвигая свою инициативу.

Сердцевиной такой всеобъемлющей системы должны стать прекращения гонки ядерных вооружений и меры по реальному разоружению.

В этой связи первоочередное место отводится ядерному разоружению. Отношение, которого заслуживает ядерное оружие, было очень точно определено Михаилом Горбачевым, когда он выступал в понедельник перед участниками международного форума "За безъядерный мир, за выживание человечества", состоявшегося в Москве. Я цитирую его выступление: "Мы отвергли право руководства какой бы то ни было страны, будь то СССР, США или любой другой, выносить человечеству смертный приговор. Мы не судьи, а миллиарды людей не преступники, которых надо покарать. Поэтому и необходимо сломать ядерную гильотину".

Мы с очень большим вниманием следили за советско-американской встречей, состоявшейся в октябре прошлого года в Рейкьявике. Даже если некоторые политические "эксперты" назвали впоследствии эту встречу провалом, мы не разделили эту точку зрения. Напротив, мы впервые стали свидетелями прямой попытки сломать "ядерную гильотину". Даже если это не оказалось возможным в тот раз - и я не буду рассматривать причины этого, - встреча, состоявшаяся на этом тихом северном острове, оставила глубокий след и ядерные арсеналы уже никогда не будут казаться такими неприкасаемыми, какими они казались в недалеком прошлом.

Наша Конференция является весьма представительным органом, в работе которого участвуют все ядерные страны. Поэтому ей также следует внести вклад в решение ряда проблем, связанных с ядерным разоружением, которые очень ясно определены в ее повестке дня. Мы отвергаем идею о том, что Конференции по разоружению следует рассматривать лишь некоторые из пунктов своей повестки дня, оставляя другие вопросы для решения на двусторонних или некоторых других форумах ограниченного состава. Это особенно относится к первым трем пунктам, заслуживающим нашего постоянного внимания.

Нравится это кому-либо или нет, но запрещение испытаний ядерного оружия является не только первым пунктом нашей повестки дня, но также и центром внимания в мире в течение определенного периода времени.

(Г-н Вейвода, Чехословакия)

Одна из двух основных ядерных держав предоставила нам за последние почти 19 месяцев убедительное доказательство своей готовности прекратить ядерные испытания. Советский Союз сделал все возможное для продления своего моратория, и если он был прерван, то это было сделано из-за Соединенных Штатов, которые осуществили ядерный взрыв 3 февраля.

В нашем понимании стремление воздержаться от ядерных испытаний свидетельствует не только о том, что Советский Союз готов к запрещению ядерных испытаний, но и о том, что он готов активно рассматривать проблему разоружения во всех ее аспектах. Такой конкретный шаг, которым стал односторонний мораторий на ядерные испытания, является намного более убедительным доказательством доброй политической воли, чем крошечные слова о мире и заявления о добрых намерениях.

Мы полностью присоединяемся к тем, кто призывает к учреждению рабочего органа по запрещению ядерных испытаний. В этой области многое предстоит сделать, включая вопрос о проверке. По нашему мнению, активная и целенаправленная работа такого органа могла бы ясно показать следующее.

Во-первых, достижение запрещения ядерных испытаний является безотлагательной мерой, которая могла бы внести значительный вклад в прекращение гонки ядерного оружия и создание атмосферы, способствующей успешному ведению переговоров о мерах по ядерному разоружению.

Во-вторых, подавляющее большинство государств выступает за прекращение ядерных испытаний и сознает, что всеобщее запрещение испытаний соответствовало бы их жизненным интересам в сфере безопасности.

В-третьих, существуют все необходимые компоненты для разработки эффективного запрещения ядерных испытаний, включая механизм проверки такого запрещения.

В-четвертых, существует необходимость в деловом обсуждении на одном форуме многочисленных предложений, касающихся сферы охвата и характера запрещения ядерных испытаний, возможных промежуточных мер, различных подходов к проблеме проверки, включая отдельные предложения государств или групп государств, для их объединения в одну систему при самом эффективном обеспечении полного соблюдения такого запрещения испытаний.

В-пятых, специальный комитет по запрещению ядерных испытаний мог бы также стать необходимым связующим звеном между полезной работой Специальной группы сейсмических экспертов и нынешними усилиями, направленными на достижение запрещения ядерных испытаний. Это связующее звено было бы полезным, например, для более правильного понимания результатов запланированных испытаний передачи сейсмических данных второго уровня в следующем году.

Плодотворная работа Специального комитета по запрещению ядерных испытаний может также дать нам необходимые конкретные критерии для рассмотрения вопроса о полезности создания постоянной международной системы обмена сейсмическими данными.

(Г-н Вейвода, Чехословакия)

Таким образом, мы видим ряд убедительных аргументов в пользу учреждения специального комитета по запрещению ядерных испытаний. Моя делегация будет готова принять активное участие в его работе и проявить необходимую гибкость с тем, чтобы Конференция по разоружению смогла в конечном счете сделать несколько конкретных шагов в направлении запрещения ядерных испытаний.

Мы надеемся, что Специальный комитет по предотвращению гонки вооружений в космическом пространстве в скором времени будет учрежден вновь. Конференции по разоружению не следует закрывать глаза на опасность полной милитаризации космического пространства. Мандат Комитета должен отражать объективную необходимость, заключающуюся в совершенно ясном и более убедительном установлении влияния нынешнего правового режима для космического пространства и определении того, какие необходимы дополнительные меры. В то же время мы не считаем, что этот мандат, разработанный таким образом, помешает нам обмениваться мнениями по конкретным предложениям, которые уже выдвинуты или могут быть выдвинуты в предстоящие месяцы. В этой связи мы с интересом относимся к заявлению первого заместителя министра иностранных дел СССР Юлия Воронцова, содержащему, в частности, предложение о создании международного инспектората для проверки того, не размещается ли оружие на объектах, выводимых в космическое пространство. Это — новая, далеко идущая и радикальная мера, которая, по нашему мнению, могла бы стать надежным препятствием на пути прямой милитаризации космического пространства.

Нет необходимости в том, чтобы вновь подчеркивать безотлагательность мер по предотвращению гонки вооружений в космическом пространстве, поскольку она стала достаточно очевидной в ходе нынешней дискуссии, ведущейся в США по вопросу о развертывании первого этапа СОИ. По-видимому, сторонники этой якобы оборонительной программы проявляют определенное нетерпение. Они видят важные изменения, происходящие в мире, и в конечном счете осознают, что даже ядерная угроза, которой они отводят большое место в своей "миссии по спасению мира", не может существовать бесконечно. По этой причине им необходимо приступить к практическому осуществлению СОИ, как можно скорее вложить огромные финансовые средства, с тем чтобы СОИ стала необратимой. Если они преуспеют в этом деле, то обеспечат огромные прибыли для американского военно-промышленного комплекса на многие годы вперед. Но, что более важно, СОИ станет неограниченной лабораторией для перехода от "грязного" и поражающего все подряд ядерного оружия к такому же эффективно-му, но более "удобному" и "практичному" оружию, основанному на принципе направленного пучка энергии. Считается, что космос достаточно велик для того, чтобы поглотить последствия ядерных взрывов, которые трудно контролировать на Земле. Несомненно, отдельные объекты на Земле будут избавлены от продолжительной агонии ядерного разрушения. Вместо этого они будут снесены с лица земли подчистую, быстро и "цивилизованно".

Любой, кто достаточно знаком с положениями Договора ПРО и его содержанием, не может принимать всерьез любые разговоры о его "широком толковании". Единственное реальное значение такого толкования заключается в том, что Договор ПРО является препятствием для СОИ и его следует забыть. Это будет первым реальным шагом, открывающим путь к полной милитаризации космического пространства.

Наша делегация приветствует тот факт, что Специальный комитет по химическому оружию был быстро учрежден вновь под умелым руководством посла Швеции Экеуса. Это оперативное начало работы, а также новый целенаправленный подход дают нам гарантию того, что Конференция попытается полностью использовать свой потенциал и что будет сделано все для завершения работы над конвенцией по химическому оружию уже в этом году. Ничто не может помешать нам урегулировать оставшиеся

(Г-н Вейвода, Чехословакия)

политические и технические аспекты запрещения химического оружия при наличии соответствующей политической воли. Всего два дня назад Конференция была свидетельницей другого положительного примера требуемого конструктивного подхода, когда глава делегации СССР посол Назаркин выступал по вопросу о проблеме размещения запасов химического оружия, по вопросу об уничтожении химического оружия в сравнении с его перенаправлением и по некоторым аспектам проверки по требованию. Мы считаем, что все внесенные предложения свидетельствуют о реальном интересе к ускорению нашей работы по конвенции о химическом оружии и должны быть серьезно рассмотрены. Любые скоропалительные выводы, особенно если они не совсем относятся к делу, в какой-то степени неуместны. Мы бы хотели надеяться, что предложения, внесенные послом Назаркиным, будут детально обсуждены на соответствующем рабочем уровне.

Мы внимательно следим за работой Специального комитета по проблеме производства химического оружия и по проверке по требованию. Во время коротких сессий, которые проходили осенью прошлого года и в январе, мы заметили, что расхождения в позициях различных стран постепенно уменьшаются. Это — деликатный процесс, который следует продолжать в спокойной деловой обстановке. Мы уверены, что к концу сессии этого года оставшиеся различия будут уменьшены до уровня, позволяющего нам разработать то, что для целей этой конвенции могло бы считаться в целом совместными позициями также и по статьям VI и IX.

К сожалению, конвенция о химическом оружии пока окончательно не согласована. Но очевидно то, что уже сложились ее основные положения и теперь можно составить довольно точное представление об основных положениях ее отдельных статей. Проверка будет носить обширный характер и охватывать большое число мероприятий, включая вступление конвенции в силу, уничтожение запасов химического оружия и объектов по его производству, а также постоянное обеспечение того, чтобы конвенция полностью соблюдалась в будущем. Такая широкая система проверки является своего рода признанием того факта, что ликвидация и запрещение химического оружия являются очень масштабной и трудной задачей. Мы считаем, что такому подходу полностью соответствовала бы попытка охватить весь путь, который должны пройти вещества до того, как они превращаются в химическое оружие. Каждый, несомненно, согласится с тем, что первым шагом на пути создания токсичного вещества является синтез. Единственным местом, где он может быть осуществлен, являются лаборатории. Следует напомнить о том, что такие вещества первой категории, как табун, зарин или зоман, также появились в результате лабораторных исследований. Поэтому мы поддерживаем идею о том, что этот первый шаг в создании химического оружия должен быть признан в конвенции и учтен в ней. Было бы бесполезным пытаться регулярно контролировать все существующие лаборатории, но было бы также серьезной ошибкой игнорировать тот факт, что новые свертотоксичные смертоносные вещества категории I могут постоянно синтезироваться в лабораториях намеренно или случайным путем. Число соответствующих лабораторий в каждой стране относительно ограничено, и их объявление с учетом возможности проведения инспекций по требованию не должно являться слишком большой сложностью. Точное применение таких процедур могло бы привести к созданию необходимого доверия и явиться своего рода предпосылкой эффективной проверки производства химического оружия в гражданской химической промышленности.

Всеобъемлющая программа разоружения стоит на нашей повестке дня с первой специальной сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, посвященной разоружению, состоявшейся в 1978 году. В течение почти десятилетнего

(Г-н Вейвода, Чехословакия)

периода были согласованы многие положения всеобъемлющей программы разоружения. Сейчас остается лишь несколько положений, которые еще не согласованы, но они в некотором роде находятся вне нашей досягаемости.

Специальный комитет по Всеобъемлющей программе разоружения уже возобновил свою работу под постоянным целенаправленным руководством посла Мексики Гарсиа Роблеса. Мы убеждены, что он сделает все возможное для скорейшего завершения проекта программы в соответствии с решением Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, и мы окажем ему нашу самую активную поддержку. Но ключ к всеобъемлющей программе разоружения находится в руках тех, кто не может проявить минимальной гибкости в отношении ряда первоочередных пунктов, в числе которых нерешенной остается проблема запрещения испытаний ядерного оружия.

ПРЕЗИДЕНТ (перевод с английского): Благодарю представителя Чехословакии за его выступление и за любезные слова в адрес Президента и страны, которую Президент представляет.

На этом список записавшихся на сегодня ораторов исчерпан. Желает ли кто-либо еще взять слово? Желających выступить, видимо, нет.

Сейчас я намерен объявить краткий перерыв в пленарном заседании и созвать, как было объявлено в прошлый вторник, неофициальное заседание Конференции для рассмотрения просьбы одного из государств, не являющегося членом Конференции, об участии в ее работе. После рассмотрения этой просьбы мы продолжим пленарное заседание, чтобы официально принять решение, о котором мы договоримся на неофициальном заседании, а также чтобы принять график работы Конференции на предстоящую неделю. Пленарное заседание прерывается.

Заседание прерывается в 11 час. 35 мин. и возобновляет
свою работу в 11 час. 36 мин.

ПРЕЗИДЕНТ (перевод с английского): 390-е пленарное заседание Конференции по разоружению возобновляет свою работу.

Представляю Конференции для принятия решения документ CD/WP.267 относительно просьбы Сенегала об участии в работе Конференции. Если нет никаких возражений, я буду считать, что Конференция принимает этот проект решения.

Решение принимается.

ПРЕЗИДЕНТ (перевод с английского): Сегодня секретариат распространил по моей просьбе неофициальный документ, в котором содержится график заседаний Конференции и ее вспомогательных органов на предстоящую неделю. Этот график был подготовлен в консультации с председателями специальных комитетов. Как и обычно, он носит чисто ориентировочный характер, и, в случае необходимости, в него могут быть внесены изменения. Если нет никаких возражений, я буду считать, что Конференция принимает этот график.

Решение принимается.

ПРЕЗИДЕНТ (перевод с английского): Сейчас мне хотелось бы сделать объявление. Председатель Комиссии по разоружению Организации Объединенных Наций проведет консультации с открытым составом участников по вопросу о следующей сессии Комиссии. Эти консультации состоятся в зале заседаний III в пятницу, 27 февраля, в 15 час. 00 мин. и будут проводиться с полным обслуживанием. Поскольку других вопросов больше нет, я намерен закрыть пленарное заседание. Следующее пленарное заседание Конференции по разоружению состоится во вторник, 24 февраля, и откроется в 10 час. 00 мин. Заседание закрывается.

Заседание закрывается в 11 час. 40 мин.